

- [Архиепископ Херсонский Иннокентий \(Борисов\)](#)

- [Примечания](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)

- [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
-

Архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов)

(1800—1857)

Статья подготовлена по благословению Высокопреосвященнейшего Сергия, митрополита Одесского и Херсонского, доктора гонорис кауза, магистра богословия († 1990), комиссией в следующем составе: протоиерей Александр Кравченко, магистр богословия, ректор Одесской Духовной Семинарии, председатель комиссии; члены комиссии — преподаватели той же Семинарии: архимандрит Филарет (Карагодин), кандидат богословия, наместник Свято-Успенского мужского монастыря; протоиерей Виктор Петлюченко, кандидат богословия, и. о. инспектора; архимандрит Тихон (Бондаренко), кандидат богословия, благочинный Одесского округа; архимандрит Иннокентий (Шестопаль), кандидат богословия, помощник инспектора, протоиерей Георгий Городенцев, кандидат богословия, секретарь Правления; иеромонах Петр (Кузовлев), помощник секретаря Правления; П. Ф. Еремин, кандидат богословия.

«До возведения во епископский сан Иннокентий был известен в России как первоклассный русский богослов»¹, пишет об архиепископе Иннокентии Н. А. Барсов. Прошло более столетия после смерти архиепископа Иннокентия, когда в настоящее время мы подошли к изучению его богословия и методологии, принципов понимания им историко-канонического наследия Церкви.

Богословское наследие, как и вся духовная жизнь архиепископа Иннокентия, изучено мало. Исследователи практически не обращались по этому поводу к документальным источникам Святейшего Синода, фонды которого хранятся в Центральном Государственном историческом архиве СССР (Ленинград) (ЦГИА), да и многотомное рукописное наследие в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) практически не изучалось.

Были статьи богословского характера, однако синтетического исследования богословского наследия архиепископа Иннокентия нет.

Обращает на себя внимание доклад ректора Ленинградской Духовной Академии и Семинарии профессора протоиерея Владимира Сорокина о монументальном двухтомном сборнике историко-канонических документов под общим названием «Памятник веры», прочитанный им на юбилейной научной конференции, посвященной 150-летию Одесской Духовной Семинарии (1988) и вызвавший большой интерес у ее участников. Без преувеличения можно сказать, что небольшой по объему, но серьезный по содержанию доклад протоиерея Владимира Сорокина в изучении богословского наследия архиепископа Иннокентия (Борисова) — событие большого значения, оценка значения которого принадлежит еще будущему. Тем самым было положено начало изучению богословского наследия архиепископа Иннокентия.

При составлении настоящего жизнеописания научно обоснованного характера, что делается по благословению Высокопреосвященнейшего Сергия, митрополита Одесского и Херсонского, в основу его были положены «Аналитический отчет о научной командировке для архивных изысканий по жизнеописанию архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова) в свете документальных источников Ленинграда» и «Второй аналитический отчет по научным изысканиям о жизнедеятельности архиепископа Иннокентия (Борисова) в свете библиографических и документальных источников Ленинграда», составленные преподавателем Одесской Духовной Семинарии иеромонахом Петром (Кузовлевым) в результате его научной командировки в ЦГИАЛ. Отчеты рассматривались на заседании комиссии по подготовке житийных материалов об архиепископе Херсонском и Таврическом Иннокентии (Борисове).

Следует сделать еще одно существенное замечание.

Архиепископ Иннокентий жил и работал в эпоху, когда отечественное богословие находилось еще в стадии своего формирования. На эту же эпоху приходится деятельность митрополита Московского и Коломенского [Филарета \(Дроздова\)](#); они создали два направления в богословии, которые развивались параллельно. Настоящее замечание представляется уместным в связи с тем, что, по мнению академика С. Б. Веселовского, «гипотезы и разногласия слишком часто превращаются в споры о вкусах, от чего... рекомендуется воздерживаться»², добавим при этом, особенно в богословии.

Архиепископ Иннокентий открыл встречу с Западом, что можно понять только сейчас, в век экуменических отношений. И в данном случае оказался прав Н. А. Барсов, который высказал мысль, что «полная оценка значения Иннокентия... принадлежит будущему»³.

Открыв встречу с Западом, Иннокентий стал — в некотором смысле — новатором богословия. Но это не был механический экспорт западной теологии на Русь. У него вырабатывалась своя экуменическая концепция. «В... выработке новых методов, менее схоластических по изложению, — пишет Н. А. Барсов, — более жизненных по задачам и направлению, не было измены Православию... потому что все воззрения германских экзегетов и богословов Иннокентий пропускал через строгое горнило критики... при непосредственном изучении источников Православия — Священного Писания и святоотеческих творений»⁴.

Признаваясь в том, что «...наши воспитанники уступают воспитанникам Западной Церкви»⁵, Иннокентий не отрицал значения духовного образования в России, иначе он не сломал бы западную систему схоластики, когда был ректором Киевской Духовной Академии. Отменив там преподавание на латыни, он поставил преграду униатству. Архиепископ Иннокентий претерпел непонимание. Но, рассматривая все происходящее в срезе исторического процесса, он принял вызов истории, которая теперь воздвигает ему памятник нерукотворный. Об этом памятнике мыслила Россия в конце XIX века. И. У. Палимпсестов писал: «Почему бы не создать храма во имя св. Иннокентия?»⁶

* * *

«В древнейшей части города Ельца, Орловской губернии, на склоне красивой возвышенности, почти у берегов небольшой речки Ельчик, впадающей в пределах города в реку Сосну, к северной стороне Введенской церкви прилегает небольшая продолговатая площадь, а в северо-восточном углу этой площади стоит скромный одноэтажный маленький домик»⁷. В этом домике и родился 15 декабря 1800 г. будущий маститый архипастырь и богослов — архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов).

Отец его, Алексей Борисов, который крестил мальчика, принял сан священника незадолго до рождения ребенка. В. А. Кондаков, пожалуй, единственный из немногих биографов Иннокентия, подробно описывает семейство о. Алексея Борисова, которое «состояло из двух сыновей: старшего — Матвея, рождение которого записано в метрических книгах Введенской церкви, и младшего — Ивана, рождение которого записано в метрических книгах Успенской церкви, и дочерей Анны и Екатерины. Екатерина Алексеевна отличалась поразительным сходством с младшим братом своим, и сходством не внешним лишь, но и внутренним: тот же живой и бойкий характер, умная красноречивая речь; все ее привычки... напоминали ее брата»⁸.

Н. А. Барсов, также один из немногих биографов Святителя, говоря о матери, Анилине Гавриловне, подчеркивает, что она урожденная Лубеновская⁹.

М. А. Борисов очень любил своего младшего брата Ивана; в своих заметках он пишет о своем брате, что он слышал его первый плач¹⁰ и что в детстве часто помогал ему. О их дружбе хорошо знали, и в письмах Владыке Иннокентию многие знаменитые лица просили передать

поклон и М. А. Борисову. Последний пережил Владыку на 10 лет и был похоронен в монастыре близ Харькова.

В детстве Иван Борисов много болел, и эта болезнь сказалась в последние годы жизни. Читать он научился сразу, чему способствовало воспитание в благочестивой семье.

Отрок рос резвым и бодрым, в чем также сказалось доброе воспитание родителей, сумевших духовно образовать в сыне характер, недоступный приступам уныния и мирской печали, несмотря на бедность семьи и плохое физическое здоровье отрока. Впоследствии вышеупомянутая добродетель (т. е. непрестанная духовная бодрость) явилась источником поддержки в трудных обстоятельствах не только для него самого, но и для его многочисленной паствы.

Дом Борисовых пользовался большой славой в городе, и в нем часто учились грамоте даже посторонние дети. [Библия](#), Жития святых, Патерики — все это молодой Борисов уже знал при поступлении в 1810 г. в Воронежское епархиальное училище. Заболев оспой, он оставил его, и тогда ему помогал старший брат, который вместе с ним учился в епархиальном училище. Но особенное влияние на него оказал священник Введенской церкви г. Ельца о. Василий Климентьев — человек, отличавшийся редкой добротой, необычайной простотой и доступностью для каждого, независимым характером, широкими для своего времени познаниями, любивший науку... Его занятия с Борисовым, несомненно, имели благотворное влияние на развитие гениального воспитанника. Сам Иннокентий всегда с любовью вспоминал своего незабвенного наставника о. Василия, от которого принимал первые наставления в науках¹¹. Он-то и подготовил Борисова к поступлению в Орловскую Духовную Семинарию.

«Ректором Орловской Семинарии, находившейся в Севске в последние годы обучения Ивана Борисова (в 1817—1819 гг.), был архимандрит Гавриил (Городнов)»¹². Преосвященный Иннокентий «с любовью вспоминал об Иринархе (Попове), впоследствии архиепископе Рязанском, который, будучи Кишиневским, возглавил похороны своего гениального воспитанника. Товарищем и другом Ивана Борисова по Семинарии был Иродион Соловьев, в монашестве Иеремия, впоследствии епископ Нижегородский, известный подвижник и аскет»¹³.

В Орловской Духовной Семинарии Иван Борисов сразу же проявил блестящие способности — «только у него одного в семинарском аттестате имеется отметка: «исправлял должность лектора греческого языка (рачительно)»»¹⁴.

По окончании Орловской Духовной Семинарии в 1819 г. он учится в Киевской Духовной Академии, которую окончил магистром богословия. Талант богослова-исследователя проявился в нем довольно ярко и рано. Его пытливый ум скоро перестал удовлетворяться тем, что давали в своих лекциях академические профессора, и выполняя все, что от него требовалось, Борисов работал еще и самостоятельно. Он много читал, поглощая с захватывающим интересом книгу за книгой, рассуждал по поводу прочитанного с товарищами и профессорами, излагал письменно свои мысли, но особенно любил заниматься составлением проповедей, которые по своим высоким достоинствам в то время уже предвещали в нем будущего «русского Златоуста».

Следует отметить, что ученость этого студента высшей духовной школы, вскоре обратившая на себя всеобщее внимание, носила не внешний, начетнический характер, а внутренний, духовный. Юноша упражнялся не только в преподаваемых науках, но более всего в науке благочестия, делания добродетелей. Особенно много сил прилагает он в стяжании смирения и в борьбе с унынием, действию которого, по причине достаточно тяжелых бытовых условий, были столь подвержены в то время студенты духовных учебных заведений. Об этой борьбе говорит одно из сохранившихся стихотворений того времени, отмеченное как литературными, так и духовными достоинствами автора — Ивана Борисова и «весьма характерное как личное наставление автора самому себе, как отражение его взглядов, помыслов

и внутренних убеждений:

НЕ УНЫВАЙ!

Когда для ревности усердной И укрепившись благочестьем
Тебе назначен малый круг, В своей страдальческой борьбе,
И в рубежах его стесненный Не чти паденьем и бесчестьем
Кипит порывами твой дух — Последовать своей судьбе:
Себя в делах благих явить, Но тщися в малом верен быть,
Их блеском мир сей озарить: Себя для долга позабыть,
Смиреньем ревность укрощай, Его с любовью исполняй
Но никогда не унывай! И в подвигах не унывай!»¹⁵.

Но стяжание добродетелей, изучение Священного Писания, творений святых отцов, богословских наук не были самоцелью для молодого подвижника, а явились следствием пламенного желания в своей нравственной жизни подражать, по заповеди Апостола ([1 Кор. 11:1](#)), Господу нашему Иисусу Христу. Будущий Святитель всем своим пытливым умом и душой стремился к познанию тайны премудрости Христовой. Как свидетельствует об этом епископ Нижегородский Иеремия (Соловьев), «Иннокентий от юности до конца дней своих Божественное Лице Господа нашего Иисуса Христа выну имел в своем (пытливом) уме и мыслях. Пред судом Господним и пред Матерью своей [Церковью](#) он с упованием на милость Господа может рещи: не судих ведети что, пиша и устно беседуя, точию Иисуса Христа, и Сего распята»¹⁶.

Поэтому неудивительно, что на выпускном академическом акте в 1823 г. он прочел перед собравшимися почетными гостями часть своего студенческого труда «О нравственном характере Господа нашего Иисуса Христа». Чтение это было встречено громом рукоплесканий, и бывший при этом знаменитый в то время Киевский митрополит Евгений (Болховитинов) приветствовал юношу как «восходящее светило русской богословской науки»¹⁷.

Митрополит Евгений не ошибся. Назначенный после окончания Академии в 1823 г. инспектором Петербургской Духовной Семинарии, профессором церковной истории и греческого языка, а по истечении трех месяцев — ректором Александро-Невского духовного училища, Иннокентий раскрылся — после иноческого пострига 10 октября 1823 г.¹⁸ — как ученый-монах, рукоположенный во иеродиакона, а 29 декабря — во иеромонаха.

«Уже впоследствии поучительное зрелище представлял для окружавшей его среды молодой монах, оставшийся до последних дней своей жизни молодым, т. е. человеком всегда со свежей мыслью и горячим чувством, восприимчивым и впечатлительным ко всему прекрасному и благородному»¹⁹.

Свой аскетический подвиг иеромонаху Иннокентию пришлось совершать не в тиши уединенной монастырской келлии, а в непрестанных трудах и заботах внешнего свойства, что делает его подвиг еще более ценным перед Богом.

В это время молодой преподаватель был определен бакалавром богословских наук в Петербургскую Духовную Академию. Через семь месяцев отец Иннокентий был уже инспектором той же Академии, еще через четыре месяца получил ученую степень доктора богословия и должность экстраординарного профессора богословских наук, а спустя два месяца был возведен в сан архимандрита. Такого высокого положения он достиг благодаря своей необыкновенной талантливости. Недаром его современник и первый биограф митрополит Макарий называет его гением. «Это был, — говорит он, — человек в собственном смысле гениальный: высокий, светлый, пронизательный ум, всегда богатое, неистощимое воображение, живая обширнейшая память, легкая и быстрая сообразительность, тонкий и правильный вкус,

дар творчества, изобретательности и оригинальности, совершеннейший дар слова — все это в чудной гармонии совмещено было в нем»²⁰.

Проповеди иеромонаха, затем архимандрита, Иннокентия появляются на страницах церковных журналов. В большой степени благодаря этим проповедям и другим сочинениям иеромонаха Иннокентия журнал «Христианское чтение» пережил второе рождение.

В бытность инспектором столичной Духовной Академии архимандрит Иннокентий пишет первые научно-литературные труды: «[Жизнь](#) святого апостола Павла», «Жизнь святого священномученика [Киприана Карфагенского](#)» и знаменитое творение «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа». На это творение архимандрита Иннокентия следует обратить особое внимание. Здесь, помимо духовной и художественной ценности, как доступного и назидательного повествования, проявляется яркий талант автора, применившего новый в это время историко-археологический метод. Автор «мастерской рукой пользуется всем собранным им материалом; всякую черту евангельской истории умеет пояснить подводящей археологической или географической подробностью, и притом так, что эти подробности отнюдь не нагромождаются одна на другую — в беспорядочную массу, за которой теряется главный предмет, а размещаются с мастерством художника, который из мелких мозаичных камней создает чудный образ — образ Богочеловека»²¹, — писал один из критиков. «Это ... сочинение, которому по степени популярности мало подобных во всей нашей духовной литературе...»²² — говорили о нем в год 100-летия со дня его рождения. Именно за свои сочинения «Жизнь святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского», «Жизнь святого апостола Павла» и «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа» он был удостоен степени доктора богословия.

В 1830 году отец Иннокентий, умудренный духовным и жизненным опытом и вооруженный знаниями, переводится в Киев на [пост](#) ректора Духовной Академии, ординарного профессора богословских наук и одновременно назначается настоятелем Киево-Братского монастыря, где он особенно ревновал по богослужению и строгому исполнению устава²³.

Но с еще большей силой его таланты проявились на посту ректора Киевской Духовной Академии, которая до того времени находилась в упадке. В течение десяти лет своего ректорства архимандрит, затем епископ, Иннокентий предпринял ряд важных реформ, среди которых прежде всего необходимо назвать отмену преподавания на латинском языке, державшего русское богословие в рабской зависимости от богословия католического. В этом акте проявилась ревность архимандрита Иннокентия по православно́й вере, о коем качестве его также упоминают современники²⁴.

Как ординарный профессор, отец Иннокентий преподавал в Академии богословие догматическое, нравственное и основное. Его живые и вдохновенные лекции производили на слушателей огромное впечатление. В качестве ректора отец Иннокентий часто посещал лекции других профессоров, экзамены и во время этих посещений обнаруживал изумительную гибкость своего ума и богатство эрудиции. Со студентами он обходился всегда ласково, к их недостаткам и проступкам был снисходителен и, умея угадывать таланты, поощрял их. Более всего отец Иннокентий следил за проповедничеством: сам проверял студенческие [проповеди](#) и часто целыми часами беседовал по этому поводу со студентами. Заботился он и о внешнем благоустройстве Академии, обогатил библиотеку, улучшил питание студентов, усовершенствовал больницу и предпринял много других полезных нововведений. Он заслуженно стяжал всеобщее уважение и горячую любовь, особенно со стороны студентов. «Каких чувствований были мы — студенты в отношении к Преосвященному Иннокентию? — спрашивает себя один из бывших его воспитанников, иеромонах Иоасаф (Гапонов) и сам же

отвечает: — Мы его любили всем сердцем и всюо душою, глубоко уважали, благоговели»²⁵. Он же дает такой восхищенный отзыв о необыкновенных способностях отца Иннокентия: «Преосвященный (тогда еще архимандрит) имел необыкновенный дар слова, память обширную, рассудок здравый, взгляд на вещи глубокий, быстрый и всегда меткий»²⁶.

В связи с этим один из жизнеописателей святителя Иннокентия говорит о нем так: «Нравственное влияние Иннокентия на своих сослуживцев было настолько велико и продолжительно, что глубокое и беспредельное уважение и непрерывные узы любви к нему они сохранили в своем сердце до гробовой доски»²⁷.

Надо сказать, что в аскетической практике подобное положение дел, т. е. всеобщее уважение со стороны окружающих и высокие личные дарования и таланты молодого подвижника, есть вещь обоюдоострая, ибо может удобно надмевать подвижника, вызывая в его душе высокоумие, тщеславие и, наконец, вершину всех страстей — гордость, поражающую все добродетели. Как говорит преподобный [Иоанн Лествичник](#), «Господь часто скрывает от очей наших и те добродетели, которые мы приобрели; человек же, хвалящий нас, или, лучше сказать, вводящий в заблуждение, похвалою отверзает нам очи; а как скоро они отверзлись, то и богатство добродетели исчезает»²⁸.

Но не таков был, по отзывам своих близких сподвижников, отец Иннокентий. Так, Преосвященный Иеремия, бывший в то время инспектором Киевской Духовной Академии, говоря о нем, упоминает следующее: «Иннокентий до глубины души бывал пронцаем смирением и самоуничижением»²⁹. По отзыву одного из биографов архиепископа Иннокентия, «в частной жизни Иннокентий был очень прост и невзыскателен»³⁰.

Обладая высокими природными дарованиями, архимандрит Иннокентий относился к ним как к дарам Божиим, постоянно помня слова преподобного Иоанна Лествичника: «Кто возносится естественными дарованиями, т. е. остроумием, понятливостью, искусством в чтении и произношении, быстротой разума и другими способностями, без труда нами полученными, тот никогда не получит вышеестественных благ; ибо неверный в малом — и во многом неверен и тщеславен»³¹.

И в ответ на похвалы окружающих он был прост и смирен в общении с ними в вещах, даже, казалось бы на первый взгляд, малозначительных. По этому поводу известен рассказ уже упоминавшегося иеромонаха Иоасафа (Гапонова), бывшего в то время студентом Киевской Духовной Академии, который с необыкновенным умилением вспоминает запомнившуюся ему при первой встрече с ректором Академии деталь, когда отец Иннокентий в ответ на его священническое приветствие также поцеловал руку ему, неизвестному священнику, приехавшему из глубины России для поступления в Духовную школу³².

Вообще отец Иннокентий с простыми людьми, например «с прислугою, как и с монастырскими крестьянами, обходился весьма гуманно и человеколюбиво, что по тому времени было почти непозволительно»³³.

Став ректором Киевской Духовной Академии, архимандрит Иннокентий начал заниматься трудом, над которым потом работал полтора десятилетия. Это его «Памятник веры православной», который практически представлял собой прикладное догматическое богословие. Имя его сразу становится известным не только в России, но и в Европе.

Примерно с этого же времени судьбы русской интеллигенции, а также выдающихся личностей были связаны с ним. Он ведет переписку с писателем Н. В. Гоголем, великим князем Константином Николаевичем, бароном Корфом, бароном Д. Е. Остен-Сакеном, выдающимся историком М. Н. Погодиным, К. С. Сербиновичем, А. С. Стурдзой, композитором А. Танеевым, графом Д. А. Толстым, князем И. Аргутинским-Долгоруковым, князем С. А. Ширинским-

Шахматовым, графом Н. А. Протасовым, князем А. Н. Голицыным, графом И. Ф. Паскевичем, В. И. Аскоченским, митрополитом Московским и Коломенским Филаретом (Дроздовым), митрополитом Киевским и Галицким Филаретом (Амфитеатровым), архиепископом Орловским Смарагдом (Крыжановским), митрополитом Киевским и Галицким Евгением (Болховитиновым), графом Ф. П. Литке, графом А. А. Никитиным, графом П. Д. Киселевым, императрицей Александрой Феодоровной, графиней А. А. Орловой-Чесменской, князем А. Потемкиным, протоиереем Ф. А. Голубинским, Н. И. Крузенштерном, архиепископом Вольнским Иннокентием, князем М. С. Воронцовым, графом Д. Н. Блудовым, Н. Н. Анненковым, епископом Иринеем (Братановичем).

Всего один только год (1840) епископ Иннокентий пробыл на Вологодской кафедре, но уже стал известен как исследователь вологодских рукописей. К сожалению, этот период деятельности Иннокентия не изучен. К этому времени работа над «Памятником веры православной» была в самом разгаре, ее пытались было при содействии графа Н. А. Протасова передать ректору Вологодской Духовной Семинарии архимандриту Феогносту или другим специалистам в области каноники или богословия³⁴. Однако никому другому этого поручить было нельзя. Создававшийся архиепископом Иннокентием труд имел фундаментальное значение. Его создание находилось, можно сказать, в центре внимания всего ученого богословского мира. Под личным контролем обер-прокурора Синода графа Н. А. Протасова осуществлялось обеспечение автора источниками классической христианской мысли, сам Н. А. Протасов проявлял большой интерес к этому труду. Несмотря на болезнь, архиепископ Иннокентий работал над ним без перерыва. В труде была предпринята попытка и кодификации канонического законодательства. Говоря о значении своего труда, архиепископ Иннокентий писал: «...Взаимные подозрения в неправославии составляют опасный недуг нашего времени, равно как желание узнать истинное учение нашей Церкви. То и другое может быть достигнуто одним средством — средством предоставления... церковного учения во всей его чистоте»³⁵.

В условиях появления катехизиса «Памятник веры православной» значительно превосходил первый по своей фундаментальности. По этому поводу архиепископ Иннокентий говорил: «Составление какого-либо катехизиса ... недостаточно, как бы ни была совершенна подобная книга, потому самому, что есть произведение новое, не может иметь достаточно авторитета в той Церкви, которая называется Церковью Апостольской и Вселенской»³⁶. Существо изложения православной веры представлялось архиепископу Иннокентию как динамика во времени, на протяжении нескольких веков, ибо, по мысли Святителя, ни один из древних веков не представляет полного изложения веры; ...произведения веков позднейших, имея относительную полноту, не имеют всего нужного для Церкви авторитета»³⁷, и надо «...показать актами единообразие и непрерывность по всем векам учения Церкви...»³⁸. Цель была достигнута.

Надо сказать, что «Памятник веры православной» задумывался сначала под названием «Догматический сборник», но это название, по мнению Святителя в его письме к графу Н. А. Протасову, «могло быть не по слуху православных»³⁹. И, наконец, еще один момент: в этом труде впервые были отражены документальные источники древнехристианской мысли, которые не были известны в России доселе. Архиепископ Иннокентий запрашивал Исповедание православной веры» св. [Григория Паламы](#), другие источники. Он писал графу Н. А. Протасову, что «тщательный просмотр Деяний Вселенских Соборов открыл... новые сокровища... которые сочтено нужным перевести на русский язык»⁴⁰.

Примечательной является переписка настоятеля Парижской посольской Церкви протоиерея Д. Вершинского по поводу неизданного «Изложения веры» Митрофана, митрополита Смирнского. Эту греческую рукопись протоиерей Д. Вершинский обнаружил в Парижской

Королевской библиотеке. В своем письме к К. С. Сербиновичу Д. Вершинский говорит: «...При всей краткости своей, она имеет немаловажное достоинство уже потому... что принадлежит писателю, которого песнопения о Святой Троице Церковь доньше повторяет в воскресных службах. Но издание сего отрывка могло бы быть полезно и в другом отношении: оно послужило бы доказательством, что ... напрасно Митрофана, недруга Фотиева, считают своим единомышленником в учении о происхождении Святого Духа»⁴¹

Протоиерей Д. Вершинский описал «Исповедание веры», которое теперь хранится в ЦГИА. Владыка Иннокентий, оценивая этот документ, писал из Вологды К. С. Сербиновичу: «... Исповедание веры Митрофана, митрополита Смирнского, доставленное... из Парижа... может войти в состав Сборника, хотя не без оговорок, по причине ... вражды между сочинителями его и патриархом Фотием, который, явно первый ревнитель Православия в своем деле, должен занять в нем одно из почетных мест»⁴².

Что характерно в этом случае? Достоинство аналитического осмысления древнехристианских литературных памятников святитель Иннокентий видит в том, что и памятники эти и все, с ними связанное, следует рассматривать в контексте исторических событий.

Сборник «Памятник веры православной» не получил, правда, окончательной редакции, но им охвачены многие стороны христианского вероучения. Он состоит из двух томов рукописи и дополнений в виде двух подготовленных и еще двух рукописных томов, которые содержат не вошедшие в основные два тома материалы и, кроме того, греческие и латинские тексты к основным томам. Хранится этот бесценный труд в ЦГИА.

«Памятнику веры православной» предпослано предисловие «К боголюбивому читателю», основная мысль которого заключается в следующем: человек должен исследовать и до конца осознавать, «в то ли он верует и то ли в себе содержит, чему учили и что учредили Апостолы, за что претерпели смерть мученики, чем воодушевлялись святые подвижники»⁴³.

В сборник включены также материалы, раскрывающие православное вероучение, которые на первый взгляд ничего общего не имеют с догматическим содержанием сборника. Тем не менее без этих материалов читатель не имел бы представления о всей полноте христианской жизни. Вот некоторые из этих материалов: «Времена богослужения и молитв общественных и частных по Апостольским Постановлениям», «О среде, пятке и дне воскресном по ним же», «О главных праздниках и Святой Четыредесятнице», «Об обете девства по Апостольским Постановлениям».

Какова же была судьба «Памятника веры православной» после смерти Святителя? Та оппозиция, которой так страстно противостоял Святитель, подняла голову. Среди рукописей, которые были изъяты после его смерти по указанию Синода, был «Памятник веры православной». Об этой рукописи было особое суждение Синода. В определении Синода было сказано, что Н. Х. Палаузов просил не высылать в Святейший Синод рукопись как собственность его доверителя без предварительного согласия последнего⁴⁴. Таким доверителем был старший брат, но бумаги были высланы. По указанию императора Александра II Святейший Синод слушал дело о разборе бумаг покойного Святителя. Бумаги представляли большой интерес (на многих из них была пометка «секретно весьма»), в том числе переписка Сперанского с Александром I.

В 1860 г. определением Святейшего Синода архиепископу Черниговскому Филарету, который, кроме русской церковной истории, занимался изучением святых отцов, было поручено подготовить «Памятник веры православной» к печати. Преосвященный Филарет отредактировал сборник, дополнил его новыми материалами и исключил из него те документы, которые к 60-м годам были признаны неподлинными или подложными. Так, архиепископ Филарет указывал,

что «Изложение веры Блаженного Афанасия, Патриарха Александрийского, вовсе не принадлежит святейшему Афанасию, Патриарху Александрийскому; Блаженнейшего Анастасия, Патриарха Александрийского, вовсе не было»⁴⁵. Однако из сборника были исключены и некоторые подлинные материалы, относящиеся к Преданию. Дело в том, что архиепископ Филарет был ученый-систематик, строго держался теоретического направления в богословских науках, а поэтому считал, что в сборнике должны находиться материалы только строго догматического характера. Нельзя не сказать, что сборник после правки Преосвященным Филаретом приобрел более стройный и совершенный вид, на что уповал в предисловии еще сам составитель.

Наконец, «Памятник веры Православной» был отправлен в Петербургский Цензурный Комитет «для наложения разрешительной к печати надписи и приложения цензурной печати». После этого труд святителя Иннокентия «перепоручили» рассмотреть конференции Петербургской Духовной Академии. Конференция дала положительную оценку рукописи, но заместитель обер-прокурора Синода князь Урусов решил «подвергнуть рукопись новому пересмотру»⁴⁶. Становилось очевидным, что чья-то рука направляла дело к далеко идущим последствиям. Рукопись поручили рассмотреть профессору И. Чельцову, который подготовил на нее не рецензию, а донесение № 15 от 16 мая 1863 года. Суть донесения состояла в том, чтобы обвинить святителя Иннокентия в ереси. Он писал, что из сборника «необходимо ... исключить... вероопределения, не одобрявшиеся Церковью, или даже еретические...»⁴⁷. Вывод был однозначен: «Памятник веры православной» лучше бы не печатать⁴⁸.

Еще при жизни архиепископ Иннокентий допускал и, более того, прогнозировал такое развитие событий в отношении своего труда. В письме Н. А. Протасову в феврале 1854 г. он писал, что на первый раз надо дать «издание в подлиннике или в переводе — не официального дела Святейшего Синода... а частного труда, дабы... предотвратить нарекания на ... Церковь... Пусть они падут на мое лицо»⁴⁹. И все же при жизни он не издал своего труда, так как «публика... любит судить по частным... предубеждениям»⁵⁰. Этой «публикой» могла быть умышленная официальная оппозиция.

Таков социально-психологический контекст вопроса, который оказался доминирующим даже спустя 5 лет после смерти архиепископа Иннокентия. Вот почему желание брата не опубликовывать рукопись в обстановке противостояния Святителю было закономерным. Он понимал, что труд, возможно, опередил время, когда, по словам святителя Иннокентия, «услышится о книге и о самом деле суждение людей, способных оценить подобные книги»⁵¹. Его время было периодом подъема и становления богословской мысли, а сам архиепископ Иннокентий возглавил блестящий богословский триумvirат в составе архиепископов Димитрия (Муретова) и Макария (Булгакова).

Но архиепископ Иннокентий был не просто богослов, он был богослов-эрудит. По этому поводу Н. А. Барсов пишет: «Одиннадцать компактных томов, напечатанных... сочинений Иннокентия, отнюдь не дают надлежащего понятия о всем объеме его деятельности в области науки. Историко-критический метод, который был для него основным теологическим принципом, давал ему возможность заниматься и другими проблемами в гуманитарных исследованиях»⁵².

К неизданным трудам архиепископа Иннокентия, которые помнили его современники, следует отнести: 1) «История христианской Церкви в Польше»; 2) «Перевод на польский язык катихизиса митрополита Филарета (Дроздова)»; 3) «Вертоград духовный» (хронологический сборник лучших произведений христианской проповеди всех времен); 4) Деяния Вселенских и Поместных соборов»; 5) «Богословский словарь»; 6) Перевод «Кормчей книги» на русский язык;

7) «Записки Петра Могилы»; 8) «Памятник унии»; 9) «Церковный архив» (библиотека древних и новых исторических сочинений о Православной Церкви).

Архиепископ Иннокентий был знаток и военного искусства, государственно-правовой политики. Во время двухкратного присутствия в Синоде ему принадлежала одна из главных ролей.

Как угодник Божий и богослов он проявился в активной архипастырской деятельности. Именно за большие труды по управлению Харьковской епархией он получил сан архиепископа. На Херсонско-Таврическую кафедру архиепископ Иннокентий прибыл уже в зените славы, что способствовало ему в создании Крымского Афона, что предполагало в первую очередь воссоздание древних христианских святынь, и прежде всего Херсонеса, где крестился святой благоверный князь Владимир. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что время деятельности архиепископа Иннокентия по воссозданию древних крымских святынь и образованию на этой основе Афона Таврического в период его пребывания на Херсонской кафедре совпало с острым восточным кризисом. Восточный вопрос явился камнем преткновения для европейских держав и России. Поэтому темы «Архиепископ Иннокентий и Афон Таврический» и «Архиепископ Иннокентий и Восточный вопрос» пересекаются. И если по первой теме еще предстоят архивные изыскания, то по второй подготовлена источниковедческая база уже имеющихся документальных данных. Такова книга «Описание документальных источников по истории русско-болгарских связей за 1850—1970-е годы в рукописных фондах Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина»⁵³. В архивных материалах, связанных с историей Болгарии и южнославянских народов, упоминается и имя святителя Иннокентия.

В предисловии к книге говорится, что он заслуживает упоминания как «...богослов, церковный оратор, собиратель монастырских рукописей ... Иннокентий Борисов, архиепископ Херсонский и Таврический... оказывал содействие Одесскому Болгарскому настоятельству, организации болгарской буржуазной эмиграции. Материалы фонда характеризуют борьбу за национальную церковную иерархию в Болгарии в начале 1850-х гг. Архив Иннокентия был подарен Публичной библиотеке Н. Х. Палаузовым»⁵⁴. Николай Христофорович Палаузов был одним из организаторов Одесского Болгарского настоятельства, и безусловно, его деятельность не могла быть не связана с деятельностью архиепископа Иннокентия. Кроме того, их еще связывала большая дружба.

Н. Х. Палаузов вспоминает: «В 1853 году, когда войска русских заняли Молдавию и Валахию, под командой князя Горчакова, Преосвященный Иннокентий сказал мне: «Я говорил генерал-губернатору Федорову о тебе как о болгарине, знающем Болгарию, иди к нему и скажи, что я тебя послал, он, вероятно, поручит тебе написать записку о болгарях». Уже здесь виден кругозор архиепископа Иннокентия. Балканы он знал лучше Генштаба. Там это знали и побаивались святителя. Н. Х. Палаузов вспоминает: «Я был свидетелем, как многие генералы становились на колени пред Иннокентием, испрашивая его благословения».

Говоря о военной кампании; которую разрабатывал Генштаб, архиепископ Иннокентий говорил Н. Х. Палаузову: «Представь себе невежество нашего Генерального штаба, наших генералов, собираются воевать и не знают народа, за который хотят сражаться»⁵⁵. Святитель поручил Н. Х. Палаузову написать записку о Болгарии, сказав: «Напиши так, чтобы показать нашим генералам, что такое Болгария и болгары»⁵⁶. Это свидетельство о том, что архиепископ Иннокентий старался вникнуть в существо любого вопроса досконально, дойти до самой его сути.

События, которые разворачивались как на дипломатическом, так и на военном фронтах, были близки архиепископу Иннокентию, ибо он не мог не вспоминать и свои поездки на Афон,

в Грецию, дорогие ему лица южных славян. С афонскими монахами у него сложились отношения братской любви, о чем свидетельствует и его переписка со святогорской братией. Жизнь и аскетические труды святогорцев всегда волновали и интересовали святителя.

Во время войны на Балканском полуострове архиепископ Иннокентий заботился о воспитании болгар и греков в Одесской Духовной Семинарии. А. И. Войцехович писал ему, что «Ваша Семинария должна иметь исключительное значение, а именно воспитание болгар и греков, тем более пока Афонский Синод не имеет к тому средств»⁵⁷. В 1851 г. греческий король за большие труды для пользы братской Греческой Церкви в трудные годы ее бытия наградил архиепископа Иннокентия орденом Спасителя первой степени⁵⁸. Это был единственный случай награждения таким орденом в истории России.

Светлый ум, обширная память, творческое воображение, необыкновенное красноречие, величественный и благолепный вид Святителя привлекали к нему всех, кто с ним общался. Он умел угадывать не только таланты, но и время. Несмотря на постигшую его в 1850 г. тяжелую болезнь, о чем Святитель сообщает графу Н. А. Протасову 23 мая 1853 г.⁵⁹, поездка его в Крым на открытие скита в скале Успенской, около Бахчисарая, не отменяется. Это было 6 августа, а 15 августа греческий маститый старец — митрополит Агафангел, как представитель древнего Афона, при основании Нового уже в Крыму, вместе с архиепископом Иннокентием возглавил крестный ход к скале по длинной Бахчисарайской улице, и прямо в пещере скалы началась Божественная литургия. Так новое пустынножительство положило начало Крымскому Афону. Основателем его был святитель Иннокентий, который зажег новую свещницу всероссийского богомолья⁶⁰.

При жизни святителя в скале была высечена церковь Успения Богоматери с множеством келлий; сюда устремились к чудотворной иконе Божией Матери паломники. Впоследствии архиепископ Иннокентий возродил, по воспоминаниям игумена Херсонского монастыря Евгения, древнюю греческую церковь с источником при ней между Чадырдагом и Бахчисараем, источник святых бессребреников Космы и Дамиана, урочище Кизим, пустынь Котерлезскую во имя св. Стефана Исповедника, пустынь близ Керчи, где были чудеса святого великомученика Георгия Победоносца, древнюю церковь святого Матфея, целебный источник святого Предтечи и Крестителя Иоанна, церковь на горе Инкерман, где был похоронен святитель Климент, епископ Римский.

Одновременно архиепископ Иннокентий возрождал скитское монашество и в Херсоне. Это было большим его подвигом. Для возрождения скитского монашества требовалось преодолевать самые различные препятствия.

По настоянию архиепископа Иннокентия участок Херсонеса, принадлежавший Морскому ведомству, был передан в ведение епархиального начальства. Здесь были созданы иноческая обитель и временный храм⁶¹. О создании здесь монастыря Святитель думал давно. Во время Крымской войны обитель погибла, камень был разобран неприятелем для сооружения своих фортификационных укреплений. Перед смертью архиепископ Иннокентий побывал у своей любимой колыбели. То были 26 дней его тяжелой болезни. Именно с целью воссоздания этой обители он и приехал в Крым. Исполненный духом веры, купец 1-й гильдии Петр Телятников принял заботы по устройству обители на себя и к 1 апреля 1857 г. закончил создание храма. Выехав из Одессы уже в тяжелом состоянии, архиепископ Иннокентий едва достиг Севастополя. 30 апреля 1857 г. храм был освящен⁶². Святитель, «ведомый под руки, вступил в храм... и, приблизясь к запрестольной иконе Спасителя, молящегося о чаше, слабым голосом произнес Молитву Господню, как бы в залог мира о страждущей земле...⁶³. Так началось его прощение с Крымом.

Еще перед выездом из Одессы 17 апреля архиепископ Иннокентий в 6 часов вечера зашел в Крестовую церковь, приложился к Касперовской иконе Богоматери, сотворил три земных поклона и благословил домашних. Современник отмечает: «При сем он был в невеселом расположении духа и неразговорчив»⁶⁴, причем «за 2 дня... простился с Михайловским монастырем так, как бы прощался с ним навсегда»⁶⁵.

20 апреля, после трехдневного пути, миновав города Николаев, Херсон и Перекоп, он приехал в местечко Ахмечеть Перекопского уезда и там отслужил молебен с водосвятием. 21 апреля был в Евпатории и сказал слово после совершения им литургии. Затем он поехал на могилу воинов, убиенных на брани, совершил там панихиду, заповедал это делать ежегодно в день святого великомученика Георгия и устроить там памятник. Это были его последнее богослужение и последняя проповедь⁶⁶.

25 апреля святитель посетил место Алмской битвы «и ... после подробнейших расспросов... заставил служить панихиду на могиле воинов, и сам, несколько отделившись от служащих, молился на коленях»⁶⁷. Выразив желание построить часовню, подобную Казанскому памятнику, он выехал в Бахчисарайский Успенский скит, быстро осмотрел его. Последние его указания в Бахчисарае состояли в том, чтобы при Бахчисарайском соборе создать Греческое училище, а памятник Марии Потоцкой переделать в православную часовню. Здесь у него произошла стычка с местным раввином из-за неприязненного отношения раввина и соответствующих его действий к Бахчисарайскому скиту. Сделав окончательные распоряжения по устройству скита, архиепископ Иннокентий заторопился в настоятельские покои и сказал, что у него болит бок.

В три часа пополудни он разбудил келейников, пожаловался им на простуду, ему сделали ванну, после чего послали за доктором. Доктор прописал растирание груди и микстуру внутрь. По просьбе Святителя в скитской церкви отслужили молебен о его выздоровлении. Но состояние его было таково, что в Севастополе отменено было служение литургии. На следующую ночь он практически не спал, делал разные распоряжения. Вторая ночь прошла также без сна.

28 апреля в тяжелую, дождливую ненастную погоду он покинул скит и прибыл в Балаклавский монастырь, осмотрев по пути места военных сражений в Инкерманской долине и на Черной речке. Поэтому упоминаемый ранее эпизод о его прощании с Херсонесом имеет существенное значение, так как в письме Одесской консистории в канцелярию обер-прокурора Синода о нем совершенно не упоминается. После прощания с Херсонесом ему стало еще хуже, он стал впадать в забытие, а 2 мая, вечером, его исповедовал иеромонах Балаклавского монастыря Герасим. После исповеди архиепископ Иннокентий всю ночь провел в молитвенном бдении. 3 мая, после ранней литургии, он приобщился Святых Таин.

4 и 5 мая ему стало несколько легче, что позволило ему рассмотреть планы скитских строений и поручить приготовить для него епархиальные бумаги.

5 мая, вечером, он был на богослужении в церкви и благословил послушника Херсонесского скита в рясофор. Однако по каким-то причинам игумен Евгений этот факт не отмечает⁶⁸, зато о нем говорится в письме консистории, где также упоминается о последних наставлениях настоятелям крымских скитов, после чего святитель возвратился в Балаклавский монастырь, а 7 мая выехал в Одессу⁶⁹.

Примечательно его посещение в Балаклавском монастыре; святитель поручал молиться о нем в церкви, заставлял келейников читать вслух молитвы, особенно «Помилуй мя, Боже», принимал посетителей, старался заниматься делами и окончательно исправил акафист ко причащению Святых Таин. И здесь он не оставлял болгарские дела. 7 и 8 мая, находясь в Симферополе, святитель почувствовал сильную боль в груди.

Состояние его было таково, что он должен был торопиться в Одессу. 9 мая он прощался с Корсунским монастырем и оттуда, не останавливаясь ни в Херсоне, ни в Николаеве, поехал в Одессу, куда прибыл 11 мая. По прибытии в Одессу к нему сразу пригласили известных докторов.

12 мая состоялся консилиум врачей, где были медицинские знаменитости Энно и Сиденевский. Они пришли к выводу, что у него такая же болезнь, как и у Николая I⁷⁰. В результате лечения святителю стало легче; он ходил, появился аппетит, принимал посетителей, занимался обычными делами. Но уже 15 мая ему стало вновь плохо, и до самой смерти, в течение 10 дней, он уже не имел сна. С 18 мая Святитель никого не принимал, кроме графа Строганова. 20 мая был доктор Пирогов, вновь состоялся консилиум врачей. Для облегчения болей решили к левому боку приложить мушку. Доктора советовали прогулку по городу, и святитель два раза ездил на свою дачу. Он не скрывал, что скоро умрет. В этот же день архиепископ Иннокентий направил рапорт Святейшему Синоду следующего содержания, который пришел уже туда после его смерти: «По случаю постигшей меня от простуды тяжкой болезни я не могу заниматься делами в епархиальной консистории»⁷¹.

Все ставленники направлялись для рукоположения уже в Кишинев к архиепископу Кишиневскому и Молдавскому Иринарху. Накануне смерти архиепископ Иннокентий спрашивал о благоустройстве Придунайской пустыни. На даче Святитель осматривал свой любимый сад.

По возвращении домой он принимал графа Строганова. В этот день он приказал одному из келейников читать канон Святой Троице. Близилось всенощное бдение Святой Пятидесятницы, после которого он разговаривал со своим викарием — Преосвященным Поликарпом, которого направляли начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, рекомендовал ему, где остановиться на пути в Петербург. К вечеру ему стало плохо. В 23 часа с ним был обморок, который продолжался около часа в присутствии трех докторов. Доктора пробыли с ним до двух часов ночи⁷².

Известие о смерти архиепископа Иннокентия застало Александра II в Царском Селе. На рапорте об этом обер-прокурора Синода графа А. Д. Толстого он пометил: «Крайне о нем сожалею»⁷³. Н. Х. Палаузов свидетельствует, что его младшей дочери Ольге М. А. Борисов подарил бриллиантовый крест с клобука Преосвященного Иннокентия⁷⁴. Бывший Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор А. Г. Строганов глубоко уважал и любил Преосвященного Иннокентия и просил Палаузова после смерти его, когда разбирались бумаги и библиотека Преосвященного Иннокентия, дать ему молитвенник Святителя, гусиное перо, которым в последнее время писал и сам Н. Х. Палаузов⁷⁵.

Большой интерес представляют библиотека и бумаги покойного Святителя. О бумагах имел особое суждение Синод. Среди них: материалы о судьбе Днепра, о расколе, многие из них, как указывалось ранее, имели пометку «весьма секретно». Последнее, вероятно, относится к переписке М. М. Сперанского с Александром I. Бумаги, безусловно, предстоит разыскать в архиве Синода в ЦГИА и отделе рукописей ГПБ. Есть необходимость хотя бы машинописного издания переписки Святителя. Немалый интерес представляет и судьба библиотеки.

Библиотеку М. А. Борисов отдал в распоряжение Н. Х. Палаузову, советуя перевезти ее к нему на хутор, который был подарен ему архиепископом Иннокентием. Но Палаузову была дорога память святителя; он настоял передать библиотеку Херсонской Духовной Семинарии, и пока приняли библиотеку было много хлопот⁷⁶.

И сегодня мы веруем, что святитель Иннокентий «истинно православно-русский архипастырь, именитый для русской земли», благословляет «из горнего мира то, чему положил

основной камень и что теперь возводится в прочное здание»⁷⁷.

Библиография

1. Несколько мыслей касательно воспитания духовного монашества, ркп, л. 2. (ЦГИА СССР, ф. 1661, оп. 1, д. 701).
2. Послужной список архиепископа Иннокентия Борисова. (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 439, д. 418.)
3. Письмо графа Н. А. Протасова в Синод. (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 8, д. 23796).
4. Материалы к догматическому сборнику. (ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, д. 2079.)
5. Письмо архиепископа Иннокентия графу Н. А. Протасову от сентября 1845 г. (ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, д. 2082).
6. Письмо архиепископа Иннокентия графу Н. А. Протасову от 10 декабря 1833 г. (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 8, д. 23796).
7. Письмо протоиерея Д. Вершинского из Парижа 21 ноября 1841 г. К. С. Сербиновичу (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 8, д. 23796).
8. Письмо епископа Иннокентия К. С. Сербиновичу из Вологды 24 декабря 1841 г. (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 8, д. 23796).
9. Памятник веры, ркп. (ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, д. 2077—2078).
10. Выписка из определения Святейшего Синода от 13 мая — 1 июля 1860 г., лл. — 1 об. (ЦГИА СССР, ф. 802, оп. 3, д. 26124).
11. Письмо архиепископа Филарета (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 138, д. 1178).
12. Ведомственное отношение. (ЦГИА СССР, ф. 802, оп. 8, д. 26123).
13. Донесение И. Чельцова. (ЦГИА СССР, ф. 802, оп. 8, д. 26123).
14. Письмо архиепископа Иннокентия графу Н. А. Протасову. (ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, д. 2082).
15. Записки М. А. Борисова. (ГПБ ОР, ф. 313, д. 46).
16. *Евгений*, игумен Херсонского монастыря. Жизнь после смерти. Рукопись. (ГПБ ОР, ф. 313, д. 47).
17. Преп. *Иоанн*, игумен Синайской горы. Лествица изд. 5-е Козельской Введенской Оптиной пустыни, 1898.
18. *Иннокентий*, архиепископ Херсонский и Таврический. Сочинения в 11 т. Изд. Сойкина, СПб, 1901.
19. *Барсов Н. А.* Архиепископ Иннокентий по новым материалам для его биографии. СПб., 1894.
20. *Барсов И. А.* Биография архимандрита Иннокентия. Б. м. и г.
21. *Барсов Н. А.* Иннокентий (Иван Алексеевич Борисов). Русский биографический словарь, т. 8. М., 1909.
22. *Веселовский С. В.* Феодальное земледелие в Северо-Восточной Руси. М-Л., 1917.
23. *Епископ Иеремия.* Воспоминания об архиепископе Иннокентии. — Прибавления к Херсонским епархиальным ведомостям, 1802, ч. 5.
24. *Иеромонах Иоасаф* (Гапонов). Воспоминания о Преосвященном Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. СПб., 1858.
25. *Кондаков В. А.* Иннокентий Борисов, Архиепископ Херсонский и Таврический в письмах его, 1822.
26. *Левитский И.* Высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. — Душеполезное чтение, 1902, № 3.
27. Описание документальных источников по истории русско-болгарских связей за 1850—1970-е годы в рукописных фондах Государственной публичной библиотеки им. М. Е.

Салтыкова-Щедрина. София, 1978.

28. *Палимпсестов И. У.* Мои воспоминания об Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. СПб., 1888, с. 102.

29. Священник *Т. Буткевич.* Иннокентий Борисов, бывший архиепископ Херсонский. СПб., 1887.

Перечень аннотированных документов об архиепископе Иннокентии (Борисове), помещенных в книге «Описание документальных источников по истории русско-болгарских связей за 1850-е-1870-е годы в рукописных фондах Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», София, 1978

1. *Палаузов Николай Христофорович.* Письмо архиеп. Херсонскому и Таврическому Иннокентию. 23 янв. 1850. Одесса, 2 лл.

2. *Войцехович Алексей Иванович.* Письмо архиеп. Иннокентию. 10 июля 1850. Петербург, 2 лл.

3. *Стефан, еп.* Письмо архиеп. Иннокентию. 24 авг. 1851. Константинополь, 1 л.

4. *Норов А. С.* Письмо архиеп. Иннокентию. 11 сент. 1851. Петербург. Подпись-автограф, 1 л.

5. Неустановленное лицо. Письмо архиеп. Иннокентию (1851). Без подписи, 3 лл.

6. *Палаузов Н. Х.* Письмо архиеп. Иннокентию. 30 марта 1853. Одесса, 1 л.

7. *Палаузов Н. Х.* Письма (4) архиеп. Иннокентию. 12—21 марта 1854. Браилов, 9 лл. (При переплете листы перепутаны).

8. *Палаузов Н. Х.* Письмо архиеп. Иннокентию. 26 марта 1854. Бухарест.

9. *Озеров Александр Петрович.* Письмо архиеп. Иннокентию. 26 марта 1854. Одесса, 1 л.

10. *Палаузов Н. Х.* Письмо архиеп. Иннокентию. 13 апр. 1854. Бухарест, 2 лл.

11. *Иннокентий, архиеп.* Письмо Ивану Федоровичу Паскевичу-Эриванскому. Апр. 1854, 2 лл.

12. *Палаузов Н. Х.* Письмо архиеп. Иннокентию. 13 июля 1854. Бухарест, 4 лл.

13. *Изворский Стефан Попников.* Письмо архиеп. Иннокентию. 4 дек. 1854. Киев, 2 лл.

14. *Палаузов Н. Х.* Письмо архиеп. Иннокентию. 8 дек. 1854, 3 лл.

15. *Иннокентий, архиеп.* Выписка из письма Модесту Андреевичу Корфу. (1854). Одесса, 15 лл.

16. *Палаузов Н. Х.* Письмо архиеп. Иннокентию. 24 апр. (1855 или 1856), 2 лл.

17. *Погодин М. П.* Письмо архиеп. Иннокентию. 24 апр. (1855 или 1856), 2 лл.

18. *Стефан, еп.* Письмо архиеп. Иннокентию. 15 февр. 1856. Киев, 1 л.

19. *Войцехович А. И.* Письмо архиеп. Иннокентию. 24 дек. 1856. Петербург, 2 лл.

20. *Погодин М. П.* Письмо архиеп. Иннокентию. 26 янв. 1857. Москва, 2 лл.

21. *Васильчиков В. И.* Письмо архиеп. Иннокентию. 30 янв. 1857. Харьков, 2 лл.

22. *Филатов Константин.* Письмо архиеп. Иннокентию. 7 марта 1857. Галац, 2 лл.

Барсов Н. А. Иннокентий (Иван Алексеевич Борисов). Русский библиографический словарь. М., 1909, т. 8, с. 113.

Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.-Л., 1947, с. 7.

Барсов И. А. Иннокентий (Иван Алексеевич Борисов). Русский библиографический словарь, т. 8, с. 113.

Барсов Н. А Биография архимандрита Иннокентия. Б. м. и г., с. 32.

Архиепископ Иннокентий (Борисов). Несколько мыслей касательно воспитания духовного юношества (ЦГИА, ф. 1661, оп. 1, д. 701, л. 2).

Палимпсестов И. У. Мои воспоминания об Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. СПб., 1888, с. 102.

Кондаков В. А. Иннокентий Борисов, архиепископ Херсонский и Таврический, в письмах его 1822—1855 гг. — Русская старина, 1881, № 12, с. 575.

Там же, с. 576.

Барсов Н. А. Биография архимандрита Иннокентия. Б. м. и г., с. 15.

Там же.

Левитский Н. Высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. — Душеполезное чтение, 1900, № 8, с. 611—612.

Там же., с. 613.

Там же.

Послужной список архиепископа Иннокентия (Борисова) (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 439, д. 418, л. 2).

Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, т. 1. М., 1901, с. 8.

Преосвященный Иеремия. Воспоминания об архиепископе Иннокентии. — Прибавления к Херсонским епархиальным ведомостям, 1802, 4, 5, с. 13.

Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Изд. Н. Н. Сойкина. СПб., с. 5.

Послужной список архиепископа Иннокентия (Борисова) (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 439, д. 418, л. 2 об).

Барсов И. А. Архиепископ Иннокентий, по новым материалам для его биографии. СПб., 1884, с. 6.

Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Изд. Н. Н. Сойкина с. 8.

Там же, с. 7.

Барсов Н. А. Архиепископ Иннокентий, с. 22.

Преосвященный Иеремия. Цит. ст., с. 14, 16.

Там же, с. 15.

Иеромонах Иоасаф (Гапонов). Воспоминания о Преосвященном Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. СПб., 1858, с. 2.

Там же, с. 10.

Священник *Т. Буткевич*. Иннокентий Борисов, бывший архиепископ Херсонский. СПб., 1887.

Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Изд. 5-е Козельской Введенской Оптиной пустыни, 1898. Слово 22, 10, с. 144.

Преосвященный Иеремия: Цит. соч., с. 7.

Священник *Т. Буткевич*. Цит. соч., с. 124.

Преп. Иоанн. Цит. соч., с. 7.

Иеромонах Иоасаф (Гапонов). Цит. соч., с. 4.

Священник *Т. Буткевич*. Цит. соч., с. 125.

Письмо графа Н. А. Протасова в Синод. (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 8, д. 23796, лл. 56—57.)

Материалы к догматическому сборнику. (ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, д. 2079, л. 1.)

Там же.

Там же, л. 1 об.

Там же, л. 45.

Письмо архиепископа Иннокентия графу Протасову от сентября 1845 г. (ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, д. 2082, л. 45).

Письмо архиепископа Иннокентия графу Н. А. Протасову от 10 декабря 1833 г. (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 8, д. 23796,).

Письмо протоиерея Д. Вершинского из Парижа 21 ноября 1841 г. К. С. Сербиновичу.
(ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 8, д. 23796, л. 91.)

Письмо епископа Иннокентия К. С. Сербиновичу из Вологды 29 декабря 1841 г. (Там же, л. 106).

Памятник веры. (ЦГИА СССР, ф. 884, оп. 3, д. 2077—2078.)

Выписка из определения Святейшего Синода от 13 мая — 1 июля 1860 г. (ЦГИА СССР, ф. 802, оп. 8, д. 26124, л. 1—1 об.)

Письма архиепископа Филарета. (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 138, д. 1178, л. 161.)

Ведомственное отношение. (ЦГИА СССР, ф. 802, оп. 8, д. 26123, л. 6 об.)

Донесение И. Чельцова. (Там же, л. 9 об.)

Ведомственное отношение, (ЦГИА СССР, ф. 802, оп. 8, д. 26123, л. 12 об.)

Письмо архиепископа Иннокентия гр. Н. А. Протасову. (ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, д. 2082, л. 49—49 об.)

Там же.

Там же.

Барсов Н. А. Архиепископ Иннокентий, с. 22.

Изд.: София, 1978.

Там же, с. 19.

Записки М. А. Борисова. (ГПБ ОР, ф. 313, д. 46, л. 1а об.)

Там же, л. 3.

Письмо А. И. Войцеховича архиепископу Иннокентию 4 сентября 1851 г. (Там же, лл. 152—152 об.)

Письмо гр. Нессельроде архиеп. Иннокентию 29 марта 1851 г. (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 15, д. 35563, л. 93).

Письмо А. И. Войцеховича архиеп. Иннокентию 4 сентября 1851 г. (ГПБ ОР., ф. 313, Д. 41, л. 262—262 об.).

Воспоминания об архиепископе Иннокентии.— Прибавления к Херсонским епархиальным ведомостям, ч. 5, 1802, с. 45—48.

Евгений, игумен Херсонского монастыря. Жизнь после смерти. (ГПБ ОР, ф. 313, д. 47).

Там же, д. 10.

Там же, д. 47, л. 12.

Дело о смерти архиепископа Иннокентия. (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 27, II отд., 2 столб., д. 28, л. 13 об.).

Там же, л. 13.

Там же, л. 13 об.

Дело о смерти архиепископа Иннокентия. (ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 27, II отд., 2 столб., д. 28, л. 13 об.).

Евгений, игумен Херсонского мон. Жизнь после смерти. (ГПБ ОР, ф. 313, д. 47, л. 10).

ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 27, II отд., 2 столб., д. 28, лл. 17—18.

Раковое заболевание.

Рапорт архиепископа Иннокентия. (ЦГИА, ф. 796, оп. 138, д. 1063).

ЦГИА ф. 797, оп. 27, II отд., 2 столб., д. 28, лл. 17—18.

Там же.

ГПБ ОР, ф. 313, д. 41, л. 1 об.

ГПБ ОР, ф. 313, д. 41, л. 1 об.

Там же.

Палимпсестов И. У. Цит. соч., ч. 102.